Борис Комиссаров

ПОЭМЫ

Русская идея

Прощай, бессмертие!

Борис Васильевич Комиссаров

Русская идея (поэма-цикл) и Прощай, бессмертие (поэма-цикл)

Тест предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64322345
Русская идея (поэма-цикл) и Прощай, бессмертие (поэма-цикл)/
Комиссаров Борис: Москва;
ISBN 978-5-00039-234-8

Аннотация

В стихах Бориса Комиссарова на редкость удачно совмещаются тонкая лиричность, напевность и ярко выраженная гражданственность, которая ничуть не противоречит понятию “поэзия”, наоборот – самая высокая поэзия – по большому счету – всегда гражданственна.

Предлагаем вашему вниманию две поэмы автора: "Русская идея" и "Прощай, бессмертие!".

Содержание

Русская идея 6
Вступление в поэму 8
Из главы первой 11
Вступление в главу 13
Отрывки из главы 14
Так закончилось детство 14
«Место на Земле, где было детство…» 15
«Раннего утра щемящая тайна…» 16
«Не в шуме бала, а в толпе немой…» 17
«Ты, как река, железная дорога…» 18
Из главы второй 21
Вступление в главу 22
Отрывки из главы 26
«Всё вникаю в детали…» 26
«Захватчик-снег напал на мирный город. …» 27
«Неброский зимний день…» 28
«Берёзки и зимою – ох и модницы!..» 28
«Слабеет мороз понемногу.…» 29
«Ослабела зима, ослабе-ела……» 29
«Март особенный месяц у года.…» 30
«Утверждают весну на свете…» 31
«Всё кончено. Зелёный майский лист…» 32

«Комары, как партизаны…» 33
«Ну, вот оно – красное лето…» 34
«Архангельск – это Русский Север, братцы!..» 35
«Мир – прекрасен, по-летнему зелен!..» 36
«Дружелюбное солнышко ластится…» 36
«Лето повзрослело понемногу…» 37
«Как слезливая тёплая осень щедра!..» 37
«Ой, надо же! стоймя стоят дымы…» 38
«От прохладных ночей возгорается лес…» 39
«Как будто кто-то шибко строгий…» 40
«Тёплый октябрь – как щедрота судьбы…» 41
«Вот это уж и вправду тишина!..» 42
«Припорошило – словно присолило…» 42
«День ото дня и ниже, и короче…» 42
Из главы третьей 44
Вступление в главу 46
Отрывки из главы 47
Право двигать напрямки 47
«Влюблённый пишет пятистопным ямбом…» 48
13 типов русского национального характера 49
Невольные признания 54

Грустные откровения, начиная с «лихих 90-х» 55
Из главы четвёртой 61
Отрывки из главы 63
«Есть мир миров. Кто вхож в него – Поэт…» 63
«Привычный мир. Привычные места…» 64
«Здесь колдуны, волшебники и маги…» 65
«Это мистика или так быть и должно? …» 67
«Звука, образа, слова ли ищет душа…» 68
«Скрипка не играет просто так…» 70
Из главы пятой 71
Отрывки из главы 73
«По-над Нерлью храм…» 73
«На Великой Руси снова новое время …» 76
Завершение главы 79
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Борис Комиссаров
Русская идея (поэма-цикл)
Прощай, бессмертие! (поэма-цикл)

Русская идея (поэма-цикл)

… О России писали,
писали, писали, писали.
Вот и я написала,
а думала, что никогда
не узнаю печали,
печали, печали, печали,
что не пустит меня
никуда, никуда, никуда.

Эвелина Ракитская
1981

Вступление в поэму

Этот северный ветер и наше белёсое небо…
Ой, как птицы звенят, сохраняя живой тишину!
С беспросветною былью соседствует светлая небыль.
Здесь поймут и излечат и боль, и мечту, и вину.

Заколдована Русь! да и всяк на Руси заколдован.
И сейчас, и в веках озорна и задумчива Русь.
Не спешу оценить, кто надёжный мужик и кто клоун,
И о том, чего просит душа, толковать не берусь.

Про особую стать, самобытность и своеобычность
Заповедано нам от отцов и дедов-мудрецов.
Нам понять не дано эту тайную нашу отличность.
Напридумывать – можно. Немало на то хитрецов.

Вот уж сколько веков продолжаются эти затеи —
Русский дух ухватить и по пунктам его изложить.
Ох, как жалко-то вас, соискатели Русской Идеи…
Ну, а чем вам помочь? Разве только в России пожить…

Да и то как сказать… Это ж надо в России родиться
Среди долгих снегов, синих речек и майских берёз
И не то что принять, а душой изначально сродниться
С нашей жизненной смесью из дури, отваги и слёз.

Это ж надо сперва пережить бесконечное детство
И из много чего взять с собой только Радость и Свет —
Коды русской души… Вековое скопилось наследство,
Ан без русской души подступиться возможности нет.

Чтоб в России прожить, надо всяких трудов не бояться.
Здесь труды – как судьба.
Каждый труд – приращенье судьбы.
Но богатству людскому от них ни сложиться, ни взяться.
Чудо света в Египте вот так же создали рабы.

Здесь работа – страда
(понимай: напряженье, страданье).
В одиночку её нипочем ни поднять, ни нести.
Вот и держимся кучно – в работе, в весельи, в скитаньи —
От ребячьей игры до последних и горьких “прости”.

Из-под толщи судеб, сотворённых из “трудно” и “худо”,
Бьют святые ключи – животворны, прозрачны, свежи.
Есть феномен такой, называется “русское чудо”:
Исковерканы жизни, но прочны начала души.

А ещё на Руси, как укоры, безмолвные зори,
Синий сумрак зимой – как зачатие Судного Дня.
Можем в бедности жить, в тесноте, но никак не в позоре.
Нам несчастного жаль, но бессовестный – нам не родня.

В прошлом много у нас и святынь, и героев, и жути.
И Вселенной сродни бесконечная наша страна:

Даже мудрые люди пока не добрались до сути,
Уверяют, что есть, но неясно, какая она.

Нет, не надо внушать, будто Русь затаилась навеки,
Суть под камнем таким, что его никогда не поднять…
Зарождается всё и свершается всё – в человеке.
Человека понять – *это* значит Россию понять.

Из главы первой
Рождество человеческое

Вступление в главу

Как бы жизнь ни пошла, как бы ни было худо,
Воздержись, человек, от претензий к Судьбе.
Ведь рожденье твоё – настоящее чудо,
Отнесись же к нему, как к авансу тебе.

Рассуди и приметь, что в России от веку,
Просуммировав опыт судеб и времён,
Различают “родился” и “стал человеком”.
Человек – вот что важно! – не всяк, кто рождён.

Это “Стать Человеком” – великое действо:
Озаренье, прозренье, души Рождество…
Выбираем Добро, отторгаем Злодейство,
Постигаем духовное с Вечным родство.

Где родиться, замечено, там и сгодиться,
Там добру присягнуть, там душе просиять,
Человеком прожить и с историей слиться
И в других возродиться опять и опять…

Коль рождён на Руси, то по-русски и жить,
Сделать русской судьбой все подъёмы и спуски,
И по-русски любить, и по-русски дружить —
Как и все, как обычно, но всё же по-русски.

Отрывки из главы

Так закончилось детство

Мне досталось нормальное, в общем-то, детство
Посреди разорённой незлобной страны.
Мы Победу тогда получили в наследство
От отцов, не пришедших с Великой войны.

Наше детство сбылось в коммуналках барачных,
В по-соседски “своих” многолюдных дворах
И на улицах, пусть для кого-то невзрачных,
А для нас – как корабль на попутных ветрах.

И владели мы в детстве богатством несметным:
Чистой речкой, закатом и Млечным путём…
Судеб водораздел был ещё незаметным.
Мир себя открывал! Было всё нипочём!

Дни за днями сплетались в годы и годы,
Шаг за шагом сдвигалося детство к концу,
И нерадостный мир, мир житейской невзгоды,
Открывался толчками ребёнку – юнцу.

Не забыть, как обрушились детства основы…
Мать сказала на бабкино “Ляжь, отдохни!”,

Улыбнувшись так горько: “Ой, мама! – ну что Вы!
Мне ж стирать… И прибраться велели они…”

Мне открылось в тот миг, что такое усталость
На безмерно родном материнском лице.
……
В том, что было потом, в том, что позже случалось,
Отражался тот миг, как заря в озерце.

Миг взросления, миг, когда стал человеком, —
Это благостный миг обретенья души.
Человечность приходит не с гиком и смехом, —
С состраданием людям, обычно в тиши.

И иными становятся игры-забавы,
И стезя повела – без возврата назад,
И для – ради Добра строишь думы – заставы,
И мужаешь как Друг, как Товарищ, как Брат.

Ах ты, детство! Прелестнее нет состоянья:
Вызревают сердца, вызревают умы.
Только жаль, только жаль мне, что дар состраданья,
Ой, не каждый из детства выносит… Увы!

«Место на Земле, где было детство…»

Родной школе № 12 города Новосибирска

Место на Земле, где было детство,
Невозможно с чем-нибудь сравнить,
Невозможно передать в наследство,
Но нетрудно в памяти хранить.

Речь не о клочке бескрайней суши
С числами секунд-координат —
О местах, где пестовала душу
Уйма мелочей сто лет назад,

Где роились радости и страхи,
Где определялась мера мер,
Где ковали нас не “охи-ахи”,
А житейский будничный пример.

Нет уже тех взрослых, что из детства…
Но доступны всё же чудеса:
Из глубин, из далей малолетства
Слышим их живые голоса…

«Раннего утра щемящая тайна…»

Раннего утра щемящая тайна
Неуяснима, непознаваема.

Тайна тревоги, уже проходящей,

Тайна дороги, ещё предстоящей.

Тайна надежды. И тайна утраты:
Что было прежде – девалось куда-то.

В утреннем раннем есть что-то такое…
Что-то неявное и роковое.

Будто не просто Земля повернулась,
Будто бы к взрослому детство вернулось,

Но не о прошлом воспоминанием,
А об извечном напоминанием.

В чём-то меня укорило как будто
И просветлило раннее утро.

«Не в шуме бала, а в толпе немой…»

Не в шуме бала, а в толпе немой
В метро, в трамвае, в зале ожиданья
Порой случится встреча – не свиданье,
А впечатленье… Ахнешь: “Боже мой,

Какое миловидное лицо!
Как изнутри подсвечено душою!”
И с хитрецой… не очень и большою,

Но с явно видной скромной хитрецой.

И с быстрою разлукою смирясь
(В немой толпе бывает ли иначе?),
Лишь взмолишься: “Дай бог тебе удачи!
Дай бог не быть затоптанною в грязь!”

«Ты, как река, железная дорога…»

Ты, как река, железная дорога,
Соединяешь воедино Русь.
Плывут и бесшабашность, и тревога,
И злоба, и мечтательная грусть.

В стране к дороге отношенье разно.
Вот к ней посёлок станцией прильнул,
Облапал город – пошло, безобразно,
Безлюдный полустанок – не взглянул.

Дорога источает обольщенья,
И в даль манит, и новое сулит.
Пути, как говорится, сообщенья…
Уж не твоя ль судьба бежит-гудит?

Ведут пути туда или оттуда,
Их дело – не стращать, а обещать.
Блестят, блестят… Ну, стало быть, покуда

Есть людям что друг другу сообщать.

Из главы второй
Ненаглядная моя Россия

"…Были холмы, река, просторный горизонт с неровной кромкой леса. В общем, русский пейзаж без излишеств. Те обыденные его приметы, которые вызывают необъяснимо горькое чувство.

Это чувство всегда казалось мне подозрительным…

Короче, не люблю я восторженных созерцателей. И не очень доверяю их восторгам. Я думаю, любовь к берёзам торжествует за счёт любви к человеку. И развивается как суррогат патриотизма…"

(Сергей Довлатов. Нью-Йорк, 1983)

Я однажды умру, не запомнив, какого числа,
К некрологу друзей отнесясь безразлично.
Капнет тихая капля с большого весла,
Это значит, что Волга печалится лично.

Дрогнет ветка. И дерево всё до верхов
Будет зябнуть, узнав о развязке печальной.
Это значит, что я для российских лесов
Был не просто какой-то прохожий случайный.

Заволнуется в поле по-девичьи рожь,
И колосья уронит, и тихо заплачет.
Это значит, что в мире я сеял не ложь
И никто моё слово в застенок не спрячет.

Смерть меня заберёт не всего целиком, —
Что-то людям оставит, и даже немало.
… А пока я тихонько пойду босиком,
Чтобы загодя тело к земле привыкало!

Виктор Фёдорович Боков.
1962.

Вступление в главу
Про «загадочность русской души»

Народилось у нас много умных людей.
Очень любят учить, как “не надо”, как “надо”,
Будто жизнь – не мильёны дорожек-путей,
А для нас, миллионов, – одна автострада.

Жизнь устроится так, как судьба поведёт,
А судьба поведёт, как ей сердце подскажет.
А к кому и к чему ваше сердце прильнёт,
Не предскажет никто и никто не укажет.

Тут отгадка загадки, не новой уже.
Кто не смог разгадать, – держит речь про другое
И п…дит о “загадочной русской душе”
Этак всуе, как будто про нечто пустое.

И возьмётся, балбес, передразнивать нас,
Не взирая, что речь-то ведёт о народе:
“Ах, берёзки!”, “Ах, русское поле!”, “Ах, квас!”,
“Ах, Россия моя!” и т. п. в том же роде.

Говорите поврозь или всем косяком, —
Я на ваши слова откликаться не стану.
Лучше в тёплую пору пойду босиком,
Наслаждаясь землёю, пока не устану.

Не серчая пойду, никуда не спеша,
Будто вот, наконец, и добрался до рая.
……
Человеку даны сердце, ум и душа,
Чтоб прожить,
    никого в мире
        не повторяя.

Разум может лететь, но готов буксовать,
Углубившись в никчёмные псевдопроблемы.
Разум – светоч. Но может, увы, спасовать,
Как осёл Буридана, упёршись в дилеммы.

Вот душа человеку на то и дана,
Чтоб вытаскивать разум из мелочных топей,
Провести в лабиринте сомнений, со дна
Приподнять при крушении дерзких утопий.

Без страховки душою опасны умы!

Человечность для них не имеет значенья.
Хуже ядерной бомбы и хуже чумы
Их удачи грядущие – нам злоключенья!

Человечность души, ты – Добро и Любовь,
В неустойчивом всём – хоть какие-то крепи.
Я взываю к тебе, я молю вновь и вновь:
Не иссякни совсем, укрепись и окрепни!

Пусть помогут тебе в этом наши сердца
С их способностью звать и на зов отзываться,
С их способностью верными быть до конца,
Пламенеть, понимать, сострадать и взрываться.

Сердцем песню поём, сердце делать велит,
Выявляя в делах назначения судеб,
И о чём-то серьёзном, о главном болит,
И способно прощать, и по совести судит.

Средоточием сердца, души и ума
Ты могуч, человек. Но могущество это
Исчезает порой, как поутру туман
Под лучами природного жаркого света.

Разрушают могущество мелкость души
Да тщеславье ума, да сердечная чёрствость.
Три отравы. Но даже одна сокрушит,
Низведёт человека в никчёмность и мёртвость.

Лишь гармония сердца, души и ума
Тот характер творит, что порушить не в силе
Ни богатство, ни власть, ни тюрьма, ни сума.
Так всегда и везде, а не только в России.

Да, всегда и везде человеку нужна,
Как опора Гармонии, вечная мера —
Для примера сказать (тут не точность важна),
То ль обряд родовой, то ль Закон, то ли Вера.

А у русских сложилась за много веков,
Принята, вкоренилась в характер народа,
Стала мерою мер, крепче вер и оков
Первозданная ценность – Родная Природа.

Ни к чему объяснять ничего никому.
Если что-то не так, если тошно и горько,
На опушке берёзу в тоске обниму
И наладит меня моя тихая зорька.

Свойствен русскому лад без особых затей:
То ли поле, то ль тропка вдоль реченьки синей,
То ль черёмухи цвет…
Каждый русский – Антей:
Не жилец, коль его оторвать от России.

Отрывки из главы

«Всё вникаю в детали…»

Всё вникаю в детали,
Поражаюсь щедротам —
Очертаньям проталин,
Синеглазым высотам…

И цветок незнакомый,
И осины нагие —
Это клад мой искомый,
Это вести благие.

Растворяюсь в пучине,
Словно во море – чуде,
В этой первопричине
Под названием “Люди”.

Всё смогу, всё осилю,
Обживу, обживаю…
Открываю Россию.
Вновь и вновь открываю!

«Захватчик-снег напал на мирный город.…»

Захватчик-снег напал на мирный город.
Его десант обрушился с небес.
И оккупантом перспективный холод
Стал на зиму и по щелям полез.

В пустыне горожане очутились,
И жизнь иная сразу потекла:
В домах, как в ДОТах, люди укрепились,
Чтоб отстоять оазисы тепла.

Снег лёг кругом, и началась осада.
Неделька, две – подтянется мороз.
А ей, зиме, как раз того и надо:
“Жить или нет?” решается вопрос.

Но вот отбит морозов лютый натиск,
Народ, глядишь, становится смелей.
Подзатянись, продлись зима – и нате-с! —
И снежных бабы понесут детей.

Снег кажется мороженым и пухом,
Осадный зарождается уют…
Перезимуем! Ты не падай духом…
Придёт весна – и наши отобьют.

«Неброский зимний день…»

Неброский зимний день
без солнца и без ветра.
Сплошная белизна – отсюда до небес.
По этой белизне рукой большого мэтра
Прочерчены штрихом кусты, тропинка, лес.

Где белые дымы – упрятана деревня.
Есть на снегу следы, а жизни – никакой.
И вся природа спит, как мёртвая царевна.
Святая тишина… И царственный покой…

«Берёзки и зимою – ох и модницы!..»

Берёзки и зимою – ох и модницы!
Набрасывают изморозь – фату,
Вкруг бела поля тихо хороводятся,
Чистейшую являя красоту.

Нисходят откровенья величайшие,
И будничным не кажется житьё.
Так вот откуда кружева тончайшие!
Так вот откуда бисером шитьё!

«Слабеет мороз понемногу.…»

Слабеет мороз понемногу.
Снег валит. Снег зиму новит.
Февраль завивает дорогу
И спрятать тропу норовит.

И выглядит город унылым.
Округа бела и нема.
Своим потеплением стылым
Живых не прельщает зима.

Молчат озабоченно птицы.
Весь быт упакован в дома.
Котам ещё рано жениться.
Теплеет… Но это зима.

«Ослабела зима, ослабе-ела……»

Ослабела зима, ослабе-ела…
Но забыть о себе не даёт.
То вдруг сделает лес белым – белым,
То дороги к утру заметёт,

То сосульки морозит под вечер

(У зимы под запретом вода),
То под мстительный северный ветер
На побывку пришлёт холода.

Нет, зима не сдаёт полномочий,
Но не так безусловны они.
Остаются морозными ночи,
Но чуть – чуть жизнерадостней дни.

Ослабела зима, ослабела,
И её перспективы ясны.
Но ни разу пока не сробела
И ещё не боится весны.

«Март особенный месяц у года.…»

Март особенный месяц у года.
Ни зимы, ни весны… Обе тут.
Про свободу воды и погоду
Беспрестанные склоки ведут.

Как соседки в худой коммуналке:
Эта слово – та два поперёк.
Минет март – и конец перепалке,
Слава богу, уже недалёк.

У зимы заведённый порядок,

А весна – подселенка в дому.
От её слишком шалых повадок
Много талой воды.

Потому

Днём весна издырявит сугробы, —
А зима их к утру обновит.
Что натаяло за день для пробы, —
За ночь тщательно заледенит.

Это солнце весну наущает,
И от них беспокойства одни…
Нет, зима их уже не смущает,
Но она ещё рядом – в тени.

«Утверждают весну на свете…»

Утверждают весну на свете
Без дождя рождённый ручей,
Молодой напористый ветер
Да внезапный прилёт грачей.

Кто сказал, что весна приходит?
Нет, она приезжает жить.
Как обычно, ремонт проводит,
Чтобы после жить-не-тужить.

У весны всё сразу и в спешке.
Прибирается в поте лица.
Молодая! Не любит мешкать
И доделывать до конца.

Разливает повсюду воду,
Убирает ненужный снег…
Дело дел – расковать природу
Тёплой ночью, разливом рек.

Чем могу, весне пособляю.
С ней мы дружим давным-давно.
Прославляю! Благословляю!
Раскрываю настежь окно!

«Всё кончено. Зелёный майский лист…»

Всё кончено.
Зелёный майский лист.
Теплынь.
Дожди.
Земля трудится споро.
Сады в цвету.
И соловьиный свист.
……

Ушла зима.

Вернётся…
Но не скоро.

«Комары, как партизаны…»

Комары, как партизаны,
Не дают прорваться в лес.
Их атаки непрестанны
От земли и до небес.

Охраняют дух болотный,
Защищают птичий крик,
Ландыш нежно – благородный,
Белоцветье земляник.

И хотя немного трушу,
Движет мною некий зов.
Направляет в чащу – гущу
Пеленг птичьих голосов.

Ничего здесь не нарушу,
На живых не наступлю.
Отмягчу немного душу —
Добровольно отступлю.

«Ну, вот оно – красное лето…»

Ну, вот оно – красное лето
С жарой и июньской грозой,
Пора сочнояркого цвета,
Земли под ногою босой.

Раскроено лето страдами,
Красно напряжением сил.
Не зря называли летами
Года на крестьянской Руси.

Но ныне живём городами,
И лето – пора отпусков.
Дана не страдами – цветами, плодами
Теперь очерёдность сроков.

Июнь тополями буранит,
Он в мыле цветущих рябин.
Как сладко шиповник дурманит,
Тревожит и манит жасмин!

Июнь – это светлая сказка
Рассветов и белых ночей,
И страсти, и нежная ласка,
И звёзды на месте свечей.

«Архангельск – это Русский Север, братцы!..»

Лидии Николаевне Ильиной

Архангельск – это Русский Север, братцы!
Там проживать – считай, что выживать.
Там в декабре Природа любит браться,
День оборвавши, звезды вышивать.

В июне ж у Природы справедливость:
Полночный час, а звёзды не видны.
Сияет Солнце! Растеряв сонливость,
Стоит народ на берегу Двины

И празднует. И сколько б то ни длилось,
Следит, следит за Солнышком…
И вот
Оно за левый берег зацепилось
И догорает, крася небосвод.

А облака плывут по-над Двиною,
Как паруса пропавших кораблей…
Ах, эти ночи делают со мною
Такое ж, как пролёты журавлей!

«Мир – прекрасен, по-летнему зелен!..»

Мир – прекрасен, по-летнему зелен!
Только вот кое-где
Вкрались жухлость и ржавчина в зелень…
Быть беде…
Быть беде!

«Дружелюбное солнышко ластится…»

Дружелюбное солнышко ластится,
Оттесняет ночной холодок.
Вздумал клён вызывающе краситься, —
Стал подарочным каждый листок.

А берёзки – как кто-то одаривал:
Всем сестрам по серьгам золотым.
Ветерок, что тепло разговаривал,
Стал прохладным, почти деловым.

Как уж скромно рябина держалася,
Даже бледно цвела по весне!
Сочно красная, – вот вам, пожалуйста! —
На сочнейше зелёной листве.

И душа не готова отчаяться,
И с надеждой “прощай” говорит.
Это лето грустит, что кончается.
Это осень посулы дарит.

«Лето повзрослело понемногу…»

Лето повзрослело понемногу,
Разбросало как-то поутру
Жёлтый лист: позолотить дорогу,
Встретить осень – младшую сестру.

Лето в эту благостную пору
Русь когда-то бабьим назвала,
Может, благодарствуя повтору
Женской страсти, мощи и тепла.

Лето вводит красоту в обычай,
Бабьим летом – все потрясены.
Да, любовь – цена красы девичьей,
Бабьей стати – просто нет цены!

«Как слезливая тёплая осень щедра!..»

Как слезливая тёплая осень щедра!

Это золото – нам! в сундуке из свинца.
Через месяц дойдёт до ледка-серебра,
А пока малахит в золотом – без конца…

Ни о чём не расслышишь
ни “против”, ни “за”.
Не хуля, не хваля, ничего не губя,
Сожаленья слеза, умиленья слеза
Каплют в тёплой тиши.
Всё скорбя… Всё любя…

«Ой, надо же! стоймя стоят дымы…»

Ой, надо же! стоймя стоят дымы.
И небо не вверху, а приземлилось.
Дубы застыли, вставши на дыбы,
И время, наконец, угомонилось.

И – тишина! Как много тишины…
Она забылась, а теперь вернулась.
Все вечные задачи решены,
Вся суета в туманы окунулась.

Тепло и сыро. Сыро и серо.
Дан миру мир. И ничего не трогай!
Мне до смерти не хочется в метро,
И я бреду домой кружной дорогой.

Забрало небо университет.
Вот Воробьёвы – Ленинские горы.
Внизу Москвы (реки и града) нет,
Как в прошлые и будущие поры.

Похоже, миром правят шутники,
Гораздые но ловкие проделки.
Сам вижу: там, где были Лужники,
Белеет край летающей тарелки.

«От прохладных ночей возгорается лес…»

От прохладных ночей возгорается лес.
Ярче золота клён и косицы берёз.
Это Солнце, уставши, спустилось с небес,
Это жар свой Закат по опушкам разнёс.

Мир как будто задумался или заснул…
Редкий случай прочувствовать цвет тишины…
Буйный ветер на время отпущен в отгул,
А вернётся, злодей, – и нарушатся сны.

Понагонит дождей и серебряных мух,
Обнажит, как насильник, леса донага,
И случится прискорбнейшая из разрух,
И по Солнцу опавшему ступит нога.

Но не будем об этом… Какая краса!
Грусть и радость нам позднее лето дарит.
Мир в душе и в природе. Сбылись чудеса…
На Великой Руси праздник цвета царит.

«Как будто кто-то шибко строгий…»

Как будто кто-то шибко строгий
Команду подал: “Стоп, канкан!!”
Берёзок задранные ноги,
Притихший ветер – хулиган

И роща! вся в зелёно – желтом,
А на подпушку взят пурпур.
Польщённый бархатом и шёлком,
И небосвод не слишком хмур.

Картину хочется обрамить.
Здесь всё застыло не спроста.
Краса снимается на память,
Ждёт вдохновенного холста.

«Тёплый октябрь – как щедрота судьбы…»

Римме Головиной

Тёплый октябрь – как щедрота судьбы.
Осень щадящая, жёлто-багряная.
Жить бы да жить и когда-нибудь бы
К правде придти, как душа покаянная.

Тёплый октябрь – как несчастная мать
Сына, жестокой войной опалённого.
Жить бы и жить и душой понимать
Радость скорбящих и горе влюблённого.

Тёплый октябрь – как межсветие дня:
Тихий и чистый. И не продолжительный.
Жить бы и жить, никого не виня
И отметая вердикт обвинительный.

Тёплый октябрь – далеко не всегда.
Просто случайно там что-то нарушено.
Жить бы и жить, коли хоть иногда
Всё же везёт… просто так. Незаслуженно…

Тёплый октябрь…

«Вот это уж и вправду тишина!..»

Вот это уж и вправду тишина!
Всё в мире не звучит, а означает.
На час сошла на землю вышина
И колдовство межсветья источает.

Замолкло всё, что было до сих пор.
Замолкла мысль. Замолкли даже дети.
Лишь дальний – дальний труженик – топор
Даёт понять: ты не один на свете.

«Припорошило – словно присолило…»

Припорошило – словно присолило,
На зелень наложило белый блик.
Зима права впервые предъявила,
И первый прецедент зимы – возник.

«День ото дня и ниже, и короче…»

День ото дня и ниже, и короче
Над горизонтом солнечный полёт.

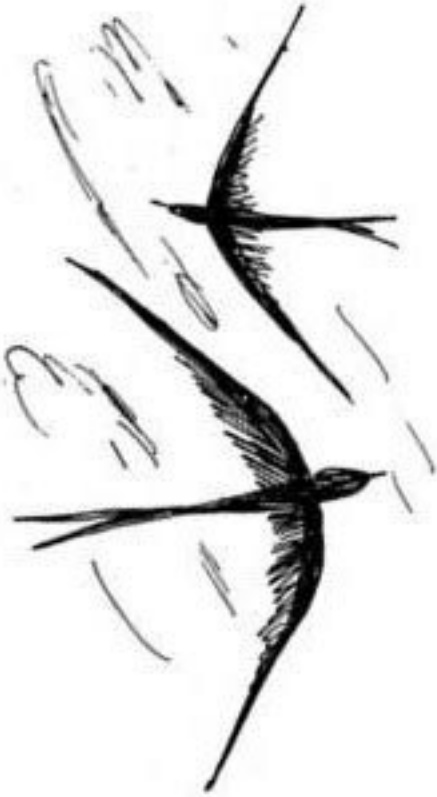
Тускнеет свет и, уступая ночи,
Отходит с наших северных широт.

И вот уж и земля теплее неба,
И черноплодка стала ярче всех.
Ждать нового тепла теперь нелепо,
И на Покров уместен первый снег.

Ну что ж, земля, закончился наш праздник…
Но хорошо, что этот праздник был!
Придёт мороз – бездушный безобразник
И все живое пустит на распыл.

Мы будем ждать… Не вечны наши зимы
И красны вёсны после долгих зим.
Неправда, что снега невыносимы.
Неправда, что мороз неотразим.

Из главы третьей
«Мы, русские…»



Вступление в главу
Простой человек

Чтобы гением быть, надо стать молодым.
Чтоб талантливым стать, надо много трудиться.
Чтоб услышанным быть человеком простым,
Надо сгинуть сто раз и сто раз возродиться.

Он себе непонятный – простой человек.
Он судьбу просто так, как игрушку, курочит.
Он бесцельно живёт, весь свой жизненный век
Очень хочет…, не зная, чего же он хочет.

Он такой неприятный бывает порой!
Может в дурь попереть, может вдруг обозлиться.
Не спешит он – увы! – стать за Правду горой…
Крохобор. Но с друзьями не станет скупиться.

Он такой необъятный! Он так тороват!
Он былое хранит, о грядущем пророчит.
Кто в истории прав и кто в ней виноват,
Без труда и суда он решает – как хочет!

И привалит ли счастье, случиться ль беда,
Нипочём в одиночку не справиться с ними.
По привычке к нему обращусь, как всегда:

Он и счастье разделит, и тягости снимет.

Мне и дня без него не прожить бы вовек,
Хоть повадкам его я всегда поражаюсь.
“Окруженье моё”, мой “простой человек”!
Я в тебе без конца и сполна отражаюсь…

Отрывки из главы

Право двигать напрямки

Мы, русские, бьём тропки напрямки:
Наверно, есть в крови потребность воли.
Позорно от порядка далеки
Тропинки на газоне и на поле.

Нет, нам порядок никому не враг.
Мы признаём, что тропки – непорядок,
Но норовим – выгадываем так,
Чтоб напрямки, быстрей и без оглядок.

В Европе ничего такого нет,
Порядок в головах и на газонах.
Есть мнение: такой менталитет
Воспитан на незыблемых законах.

Европу дружно хвалим мы, “совки”,
Но втайне ощущаем превосходство:
Не сдали право двигать напрямки,
Что равноценно праву первородства.

К порядку мы придём! Придём-таки…
И мы уже идём к нему, ей-богу,
Но как всегда у русских – напрямки,
“Другим путем” и путая дорогу.

«Влюблённый пишет пятистопным ямбом…»

“Влюблённый пишет пятистопным ямбом…”
Я прочитал и ахнул: вот-те на!
Да если бы предупредили, я бы…
Но что ж теперь… настроена струна.

Я был уверен, что душа бессмертна.
А мне намёк: она заямблена.
Я был уверен, что любовь безмерна,
А мне: “Очнись, размерная она!”

И воин той, Священной, поднимался
В атаку, и душа была храбра,
Когда пятистопъямбно выражался:
“За Родину! За Сталина! Ура!”

И сердце очень просто объяснимо:
Я ямбы пятистопные ловлю:
“Любимая! Любима ты! Любима!
Люблю тебя! Люблю тебя! Люблю!”

Там где-то, если любят, – пляшут самбу.
Поёт испанец серенады Ей.
А мы в России попривыкли к ямбу,
Но в принципе способны на хорей!

13 типов русского национального характера

Русский характер. Тип 1

После ночи холодной мой дом поостыл.
Разведу-ка в печурке негромкий огонь.
Чтобы день наступающий не был постыл,
Попрошу зазвучать мою душу – гармонь.

Поживаем – живём на своей стороне.
Свои думы храним. Свои песни поём.
И не хочется знать о далекой стране,
Не приходит мечта неизвестно о чём.

Всё б оно ничего. Да подступит тоска,
И не мил белый свет,
прям хоть волком завой!
И забродит душа. И запросит броска!
То ль в разгул!
То ль в загул!
То ль в разбой!
То ль в запой!

Русский характер. Тип 2

Эх, живём однова! Что же сиднем сидеть!?
Надо песни сложить! Надо горы взорвать!
Надо круто прожить! Надо ярко сгореть!
Зацветай трын-трава!
Двум смертям не бывать!

Видит наши дела зовороженный мир.
Рукоплещет планета. Смиряется враг.
Трудность – это не трудность!
Кумир – не кумир!
Что хотим, – то и сможем! И этак, и так!

Ах, как жизнь хороша!
Да подступит тоска
И привяжется мысль

“Всё, что делал, – на кой…?”
И подскажет ходы:
то ль курок у виска;
то ль молитва смиренная;
то ли запой.

Русский характер. Тип 3

Эти суки Россию продали жидам!
Татарва развелась —
просто жить не впродых.
Сел пархатый масон
по командным местам!
Истребляют народ,
бьют Россию поддых!

У, е…и иху мать!
Даром им не пройдёт!
Новый Сталин воздаст – и огнём, и мечом!
Несмотря, что спец'ально споили народ,
Надо будет – покажем: и что, и почём!

Тут не в водке беда… Главно, ум не пропей!
Горько видеть обиды
Державы родной…

Ты, я чувствую, тоже…
– не наших кровей?
Чистокровный русак.!..?
Ну, ещё по одной!

Русский характер. Тип 5 («Надо!»)

Вот говорят: “У русских – штурмовщина”.
Что есть, то есть. И видимо, в крови.
Быть может, есть какая-то причина,
Что русский так работать норовит.

Примериться, потом втянуться, взяться…
А как зажгутся, – душу напрягут!
Что ж, даже кони вправе поваляться
Пред тем, как их в работу запрягут.

Мотивы – не доходы иль награда.
Написано у русских на роду:
“Придётся, Ваня! Тяжело, но надо!”
Вот и ломлю, пока не упаду.

Похоже, “Надо!” – наше чувство долга
И чувство нам посильного – увы! —
Веками было и пребудет долго
Как жизни смысл, как линия Судьбы.

Покуда “Надо!” нами управляет,
Сам знаю темп и сколько на возу!!
И лучше пусть никто не погоняет!
А то и вообще! – не повезу…

Русский характер. Тип 8 (современный; «новый русский»)

Ни Богу, ни начальнику, ни зверю
Не доверяю, не перечу, не грублю.
Таблице умножения не верю,
Не то что евро-доллару-рублю.
А верю я… Да нет! я просто чую:
Нет перспектив и надо как-то выживать.
Но изловчусь я, просочусь я, проскочу я —
Не лбом же стену власти прошибать!
Из-за раздора не было б разора!
Что залупаться? Лучше умно тихорить.
Не надо мне Большого Разговора!!!
И мыслей нет. И не с кем говорить.

Русский характер. Тип 10 («гений»)

Всё больше себя ощущаю гигантом —
Платоном, Роденом, Шекспиром и Кантом.
Могуч и блистателен мой архетип!
Вот только достойное дело найти б…

Невольные признания

* * *

Откровенно говоря,
Не охота за моря.

* * *

Ах, трепло ты моё, трепло!
Как мне жить-то с тобой тепло!
Ну что мне делать с этой суетой?
Не только с этой, а ещё и с той…

* * *

Расходятся тропки и сходятся тропки.
Одни провожают, другие встречают.
Походишь-походишь от стопки до стопки —
Глядишь, и Старейшим тебя величают.

Грустные откровения, начиная с «лихих 90-х»

* * *

Их скопом уместит классификатор
Под рубрикой “России реформатор”:
На них проклятье общее на всех —
Эдипов комплекс и эдипов грех.

* * *

В депутатах —…Хакамада!?
Пусть! Народу так и надо!

* * *

Ничтожество бывает откровенным,
И сразу видно, что говном говно.
Ничтожество бывает сокровенным,
И выглядит загадочным оно.

* * *

Есть многогранность и в подлеце:
Ничто и нечто – в одном лице.

* * *

В ход деза пошла —
Значит, власть пошла!

* * *

Он знает, что такое честь мундира,
Он говорит об этом так всерьёз,
Что вспомнишь: “Чур, не сотвори кумира!”
А к коже подбирается мороз…

* * *

Вот это слово! Будоражит аж!
Не слово – х…й на блюде: ТАТУАЖ.

* * *

Ни кожи и ни рожи,
А в два раз***а*** дороже.
На что это похоже?
А это бизнес. Тоже.

* * *

“Наехал” криминал на прокурора.
Пора б пальнуть! Как думаешь, “Аврора”?

* * *

Воистину “ничто не предвещало”:
Интеллигенция духовно обнищала.

* * *

Нам говорят: минуло время “…измов”.
Исчез царизм, ушёл социализм.
Нет ни марксизмов, ни патриотизмов.
А что же есть? Один идиотизм.

* * *

Ну, сбылись пророчества и мечта хрустальная.
В зад Россию бросило, а потом в перёд.
Обещали общество постиндустриальное.
Кончили индустрию, а народ живёт.

* * *

Живём – как в сказке! Это всё яснее.
И впрямь настали новые века.
Иван-дурак был в сказке всех умнее,
А тут народ – глупее дурака.

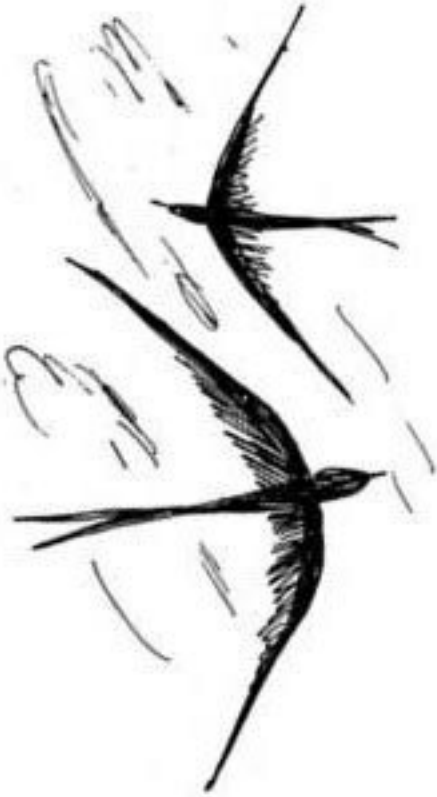
* * *

Прислужничество… Дурь и спесь… Нахальство…
Какой народ – такое и начальство.

* * *

Беда: какого ни коснись вопроса,
Но если это жизненный вопрос,
То многое не так-то уж и просто…
Лишь здравый смысл всегда излишне прост.

Из главы четвёртой
Чудодеи



Отрывки из главы

«Есть мир миров. Кто вхож в него – Поэт…»

“Что такое поэт?
Человек, который пишет стихами?
Нет, конечно. Он называется поэтом
не потому, что он пишет стихами…”

А. Блок

“…Для чего ж таким убогим
и неправильным, как я,
с неба сбрасывают строки,
не подумав хорошо?”

Э. Ракитская

Есть мир миров. Кто вхож в него – Поэт.
Вернее так: кто приглашён к уроку.
Как приглашенье, как входной билет
Он получает образную стр***о***ку.

Как благовест та первая строка!
Как зов, как неожиданный подарок!
Как тон, как ген, как код всего стиха…

Пребудет так – без правок и помарок

И, отразившись в остальных строках,
Вобрав в себя миры и поколенья,
Пройдя через “увы”, и “ох”, и “ах”,
Строкой последней станет на поленья.

Как и “аминь”, последняя строка
Придёт, когда совсем не ждал, не ведал.
Стих – не творенье. Стих есть жизнь,
пока
Первостроку дарёную не предал.
……

Блажен поэт. Не очень объясним.
Такой, как все в большом людском потоке.
Но кто-то вот творит “не наше” с ним
И раз за разом сбрасывает строки.

«Привычный мир. Привычные места…»

Привычный мир. Привычные места.
Всё как всегда. События обычны.
Но падает строка, как падает звезда, —
И на мгновенье рухнул мир привычный.

Как искра, чиркнет по сердцу строка,

Не обожжёт и даже не согреет,
А поманит слегка и повлечёт слегка,
Настроит душу, ежели успеет.

И вот уже предчувствуешь полёт,
И вот уже ликуешь или плачешь…
И новый стих идёт, как будто жизнь идёт, —
Не выправишь и не переиначишь.

И в том стихе прекрасна и чиста,
С достоинством врождённым, не наносным
Упавшая строка – упавшая звезда —
Искрится светом ясным, судьбоносным.
……

Пусть в жизни мы условностей рабы
И прозябаем по семейным гнёздам —
Мы баловни судьбы… Мы – баловни судьбы!
Ведь, что ни говори, причастны к звёздам.

«Здесь колдуны, волшебники и маги…»

Здесь колдуны, волшебники и маги,
Владеющие тайной естества,
Чернильной ручкой водят по бумаге,
Стремясь прорваться к чуду Мастерства.

Но это им никак не удаётся:
В задельях муз бессилен и Атлант.
И бедным магам только остаётся
Дивиться, как мог выдохнуть Талант:

“Знаешь, ведьмы в такой глуши
Плачут жалобно.
И чаруют они, кружа,
Детским пением,
Чтоб такой красотой в тиши
всё дышало бы,
Будто видит твоя душа
сновидение

И закружат твои глаза
Тучи плавные
Да брусничных глухих трясин
Лапы, лапушки…

Таковы на Руси леса
Достославные,
Таковы на лесной Руси
Сказки бабушки”.

Не в рифмах суть и не в звучаньях слова,
Хотя никак не обойтись без них.
Гармония…! Она – первооснова,
Которой дышит и наполнен стих.

И вот ещё загадка из загадок:
Не заклинаний строгие клише,

А тягу смыслов, образов, догадок
Передаёт душе душа…
Душа – душе!!

“Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и всё – едино.
Но если по дороге – куст
Встаёт, особенно – рябина…”

“О России писали,
писали, писали, писали.
Вот и я написала,
а думала, что никогда
Не узнаю печали,
печали, печали, печали,
Что не пустит меня
никуда, никуда, никуда…”

«Это мистика или так быть и должно?…»

“Этот стон у нас песней зовется…”

“…создал песню, подобную стону…”
(Н. А. Некрасов)

Это мистика или так быть и должно?
Возникает строка, обрастает стихом,
И вступает мотив, и пошло, и пошло…
То о добром поётся, а то о лихом…

Я не мрачный, поверьте. Открыта душа.
Отчего же и стих, и пришедший мотив
То и дело выводят не “жизнь хороша!”,
А совсем про другое, совсем супротив?

Видно даже весьма невеликий поэт
Не свободен настолько,
чтоб петь “от себя”,
Выполняет родного народа завет
И хваля, и хуля, и любя, и скорбя.

В наших песнях —
народом подсказанный тон.
Что скопилось веками, то в них и звучит.
До сих пор наши песни похожи на стон.
Это память веков в русском сердце стучит.

«Звука, образа, слова ли ищет душа…»

Звука, образа, слова ли ищет душа,
Когда жизнь хороша или нехороша,

Когда мается дух или мечется дух
И, конечно, когда стало радостно вдруг.

Нам бы в цвете и в контурах всё пережить,
Слово сердцем сказать или песню сложить,
Чтобы вылиться в стон, чтобы высечь огонь
Или чтобы нас в круг зазывала гармонь.

Но как часто всплывёт и стоит маета:
Неискусна рука, как недуг – немота…
Шум ручья, птичий крик, нежный шелест берёз,
За мою немоту мне обидно до слёз.

Мне таланты чужие пропасть не дают,
И скульптуры ваяют, и песни поют.
Только надобно мне дополненье к тому —
Мне б своё о себе говорить самому.

Пусть обычно корявые пишут стихи
Человек от станка, человек от сохи.
Преисполнено это большой красоты:
Сердце молвило слово – и нет немоты!

Вот решился и я сердцем слово сказать,
Быть немым перестать, а не Пушкиным стать.
Ты смешков не таи, не косись на меня.
Сам, не бойся, скажи – скажешь лучше, чем я.

«Скрипка не играет просто так…»

Скрипка не играет просто так.
Плачет… И ликует. И гневится!
Было время пламенных атак,
Время горевать и веселиться.

Вслушайся, как скрипка хороша!
Спрашивает и исповедает.
Мечется мелодия-душа,
Рвётся ввысь! Прощает… И страдает.

В жизни всё – не так… Не так. Не так!
Но скрипач не устаёт молиться.
Будет время пламенных атак,
Время горевать и веселиться!

Из главы пятой
Православные

Отрывки из главы

«По-над Нерлью храм…»

Ольге Валерьевне Дегтярёвой

По-над Нерлью храм
Молча высится.
Ой, о многом там
Нынче мыслится.

Тропки в этот храм
Не натоптаны.
Но битьё и хлам
Поразобраны.

Колокольня в пух
Разорённая.
Но ограда вкруг
Побелённая.

Видно сила, вся
Очень скромная,
Замахнулася
На огромное

И старается,
Упирается,
По чуть-чуть вперёд
Продвигается.

Дан строителю
И заказ, и срок.
Поновителю —
Потрудней урок.

Дело новое
Нелегко свершать,
А рисковое —
Что-то воскрешать.

Возведение —
Стройки логика,
Воскрешение —
Дело подвига.

Связан героизм
Не со зданием:
Трудность – с вероис —
поведанием.

Возродится храм
Через много лет.
А народ-то сам
Возвратится ль, нет?

Жизнь пошла теперь,
Ох, нехороша.
Кто живёт, как зверь,
В том мертва душа.

Наш правитель стал
Беспощадно крут.
Человек устал,
И дичает люд.

Коль народ не смог
И привстать с колен,
Что же сможет Бог?
Что он даст взамен?

Вознесётся здесь
Колокольный звон.
Но кому, Бог весть,
Будет слышен он?

По-над Нерлью храм
Молча высится.
Ой, о многом там
Нынче мыслится.

Село Порецкое
Суздальского района

«На Великой Руси снова новое время …»

Анатолию Николаевичу Ежову

На Великой Руси
снова новое время —
Превращенье воров
и бандитов в господ.
Потянулось к церквам
горемычное племя —
Обворованный люд,
“православный народ”.

С чем приходит он в храм?
И чего он в нём чает?
Или просто по древней
традиции храм
Возвышает убожество и привечает,
Закрывает глаза
на никчёмность и срам?

Почему он взывает
к бессильному Богу?
Для чего адресует
мольбы небесам?
Отчего не зовёт
он людей на подмогу?

И за Правду почто
не вступается сам?

Нет достойных ответов
на эти вопросы.
Нам с тобой их не дать,
так не станем судить:
Это горе иль благо,
что великороссы
Уклонились от жёсткого
“быть иль не быть?”

Ни о ком не судя,
лишь душой созерцая,
Вступим в своды церквей,
где укрылся народ.
Миллионы свечей,
в полумраке мерцая,
Подтверждают, что жив
человеческий род.

Негасимой надежды
свеча восковая!
Ты – свеченье Души,
ты – присяга Судьбе!
Вековая покорность
и боль вековая
Вдохновляют тебя,
воплотились в тебе.

Здесь смиренье во всём —
и в фигурах, и в лицах.
Здесь обычный обряд,
по нему не понять,
Что в народной душе
и к чему он стремится:
Свой покой отстоять?
беспокойство ль унять?

Ведь нередок в истории
миг достославный,
Когда так же вот тихо,
смиренно терпя,
Собирался он с духом,
народ православный,
И, собравшись,
умел постоять за себя.

Так чего ж мы скорбим?
Иль не верим в Россию?
Ни к чему этот тон.
Не об этом же речь…
Может, просто вот так,
ожидая Мессию,
Догорает народ
миллионами свеч…

Наше место – где он.

Не взываем, не плачем.
То Отечества дым
выедает глаза…
Нам иными не быть.
Мы не сможем иначе,
Пока в храмах течёт
восковая слеза.

Завершение главы
Золотые купола

1.

Купола золотят, и они золотятся.
Видно, сильные мира возмездья боятся.

Человечность и Правду попрали безбожно.
Им тревожно на свете, им очень тревожно.

Купола золотятся в безоблачном небе,
Дарят людям надежду на светлую небыль:

И сегодня, и завтра труднее, чем прежде,
Вот и тянутся люди к небесной надежде,

Вот и верят, что где-то (возможно, за гробом)
Суждена Справедливость особенной пробы…

И судьба куполам – быть заветною метой
Этой Правды святой, Справедливости этой.
……

Купола, купола! – высоки и доступны.
А людские дела суетны и преступны,

А людская любовь все и мельче, и площе.
Так что ближних любить – все труднее, не проще.

И становимся глухи, черствы, нелюдимы.
Мало любим и мало другими любимы.

Обезлюдев в душе, зачерствев понемногу,
Мы Любовь доверяем не людям, а богу

И сжигаем мосты между нами, живыми.
Головнями горят купола золотыми.

2.

Купола, купола – золотое сиянье!
Как же так, “дорогие мои россияне”?!

Неужели ничто без церковной приправы
И таланты, и души, и добрые нравы?

Неужели с церковной приправой скостятся
Душегубство и прочие все святотатства?

Для чего научаются люди попами
Хоть и божьими зваться, однако рабами?

Раб, бывает, клеймён, даже в цепи закован,
Но свободным душа его делает снова.

Коль от рабства страдает душа, как от боли, —
То не быть бесконечной тяжёлой неволе.

Ну, а если душе от неволи не больно,
То рабом человек может стать добровольно

И униженным быть, и любить Господина —
Будь то Сила иль Деньги, иль Власть – все едино.

3.

Бог был создан людьми как надёжа-опора,
Когда силы слабы и малы для отпора.

Чем мог слабый ответить насилию? Верой,

Что рассудит Господь справедливейшей мерой,

Пусть не здесь, не сейчас, не на этом пусть свете,
Но обидчик сполна за обиды ответит.

Вера делала слабого правым в итоге,
И уверенность в этом – ценнейшее в Боге.

В ней – несломленность духа,
несломленность воли.
В ней – Свобода Души в жесточайшей неволе.

И Восстание в ней, словно искра под пеплом;
Через тысячи лет ею пламя окрепло.

Если б слабый и раб не придумали Бога,
Человечеству вышла б другая дорога,

И вели бы по ней не к Свободе стремленье,
А смиренье раба и тупое терпенье…

4.

Церковь стала прислуживать людям и Богу,
Подминая и их, и его понемногу.

Церковь именем Бога с людьми говорила,

Назидала, стращала, прощала, корила.

И чем дальше, тем больше Господь из опоры
Превращался в орудие правящей своры.

Бог возник как Идея Свободы, как знамя,
А у церкви Судья он над всеми над нами,

И любой, кто над нами, – помазанник божий:
Возражение – грех, несогласье— негоже.

Бог был принят людьми как Спаситель от гнёта,
Но у Церкви для Бога другая работа:

Власти благословлять, научать жить терпеньем,
Страшной карой пугать, примирять с угнетеньем.

Изначальная мысль, вдохновившая Веру,
Превратилась у Церкви в обратную меру.

Изначально: “Коль раб я, то разве что божий!”
А у церкви: “Ты – раб! И у Господа – тоже!”

5.

Купола золотые и незолотые…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.